

русский **иностранец**

Ася Долина

У НЕГО
КО МНЕ
БЫЛ
**НЬЮ-
ЙОРК**

РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНЬ ШУБИНОЙ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-09
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д64

Художник *Владимир Мачинский*

Иллюстрации *Арины Обух*

Долина, Ася Владимировна.
Д64 У него ко мне был Нью-Йорк / Ася Долина. —
Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2021. — 281, [7] с. — (Русский иностранец).

ISBN 978-5-17-127444-3

Город, где дышит океан, где каждому дана свобода. Город запахов, ритмов, улыбок. Нью-Йорк наших дней, в котором возможно всё, даже излечиться от травмы деструктивной любви. Но город — не врач, он лишь декоратор. Путь к себе начинается изнутри... Маршруты найдёте под этой обложкой.

Ася Долина – журналистка, прозаик, активный блогер – переехала в Нью-Йорк из Москвы в 2016 году, в 32 года. Эта книга сложилась из текстов о любви и нелюбви, о насилии, психологии, материнстве, феминизме, детстве, перемежающихся нежными и точными зарисовками будней «Большого яблока».

УДК 821.161.1-09
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-127444-3

© Долина А.В.
© Обух А.П., иллюстрации
© ООО «Издательство АСТ»

ТЕМ, КТО ЖИВЁТ В НЕЛЮБВИ

Знаю, мы не знакомы толком, и нелепо называться твоим другом. У тебя тяжёлое утро. Небо затянуло серым, московская зима вошла в самую безрадостную стадию.

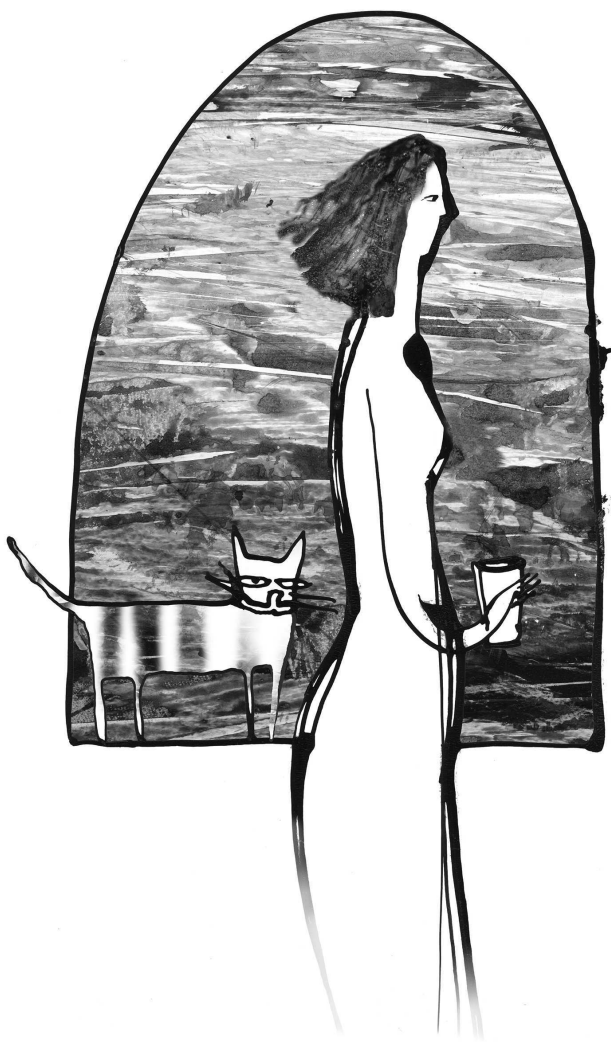
Из всех праздников впереди только День святого Валентина, как будто нарочно придуманный для того, чтобы поглумиться над теми, кто живёт в не любви сейчас.

Вне любви.

Праздник, который хорошо бы проспать.

По-честному, тебе не хочется даже вылезать из постели. Ты скроллишь ленту в поисках неизвестно чего. Черeda сияющих лиц в инстаграме, агрессивный курс на успех и не терпящая возражений «мотивация» в сториз блогеров, эталонная жизнь которых — недостижима.

Полосатый кот пришёл пожурчать под боком, он твой главный друг и родная душа.

Тш-ш-ш-ш.

Не отвечай ничего. Так может быть, что тебе печально и трудно сегодня. Так может быть, что силы исчерпались и ресурса быть доброй, радостной и сильной больше нет. Но мы — не роботы. Дай себе вдохнуть и выдохнуть. Побудь грустной. Помни: это нормально, это тоже в человеческой природе — устать и признать, что мы не всегда получаем пятёрку с плюсом по предмету «жизнь».

Разреши себе сегодня никуда не ходить. Надень мягкий свитер оттенка топлёного молока. Чтобы он нигде не царапал кожу, не колол, не жал. Сделай себе уютно. Завари крепкий ароматный чай. Налей его в любимую кружку, которая непременно напоминает тебе о чём-то приятном.

Закрой глаза и вспомни любое мгновение, когда ты самозабвенно звонко смеялась.

Зажми эту кружку между ладонями. И попробуй посмотреть на себя со стороны. Какие у тебя нежные руки. Какая ты трогательная. Как много в этой твоей грусти настоящей тебя.

Которая мечтала о самых обычных вещах — чтобы любовь сложилась, работа нашлась, дети родились, путешествия состоялись, походы в театр по выходным не прерывались.

А получила тихое и одинокое утро.

Погладь пушистую голову кота. Сделай глоток чая. Он, наверное, уже остыл. И услышь, пожалуйста, простое: этот этап твоей жизни пройдёт, страница перевернётся, как там пишут — за истечением срока давности.

И начнётся совсем другая глава твоей жизни.

У НЕГО КО МНЕ БЫЛ НЬЮ-ЙОРК

У меня к нему была Москва, модная, упругая, зазнайская, колючая и не лыком шитая.

У него ко мне был Нью-Йорк, огромный и ска- зочный, полный незнакомого тёплого воздуха, стоя- щий на океане.

Я говорила: «Моё сердце тысячу раз разби- лось до встречи с тобой, но почему-то я смотрю тебе в глаза, и кажется, ничего плохого не случи- лось, и я снова та четырнадцатилетняя в самом начале начал, и дороге моей только предстоит сложиться».

Он мне говорил: «За двадцать лет, что мы не ви- делись, я глядел на землю с нескольких сотен само- лётов, перед моими глазами проносились города и страны, я прочёл пять тысяч книг, но почему-то так и не залечил рану своего одиночества».

У меня к нему была Москва, видевшая, как я росла, становилась из девочки девушкой, из де- вушки женщиной, как я сменила CD-плеер на MP3, как все песни и фотографии перешли в айфон, как я стала делать дорогое окрашивание и гель-лак.

У него ко мне был Нью-Йорк, он трясся в поез- дах его метрополитена задолго до моего приезда, город, превративший его из студента в футболке с надписью «Radiohead» в мужчину, который выби- рает костюм и запонки, знает толк в скотче, умеет целовать женщин и спорить о политике.

Я ему говорила: «За двадцать лет, что мы не ви- делись, мир перевернулся, и у меня теперь есть дочь».

Он мне отвечал взглядом своим пронзительным. И я без слов поняла, что он полюбит моего ребёнка.

Обнимаю теперь своего мужа, а помню его ещё мальчиком. Мой Д. Острые коленки и кеды со шнурками ближе к весне. Задорная улыбка его и первые наушники-капли с «Oasis».

А он помнит меня ещё девочкой, наверное. Четырнадцатилетней. Заносчивой и дерзкой. С пушистыми каштановыми волосами, убранными в хвост.

У него ко мне тогда, двадцать лет назад, в Москве, во дворе между «Филями» и «Кутузовской», была любовь. Совсем ещё детская, ни на чём, кроме стука сердца в его груди, не основанная.

У меня к нему была холодность, с какой девочки вроде меня в поисках опасных приключений отшивают хороших мальчиков. Ничем, кроме воя в душе, не оправданное чувство.

А потом ему исполнилось семнадцать, и он посмотрел на землю из самолёта, который перенёс его в Америку. И только через двадцать лет мы встретились опять, и у меня к нему была Москва, у него ко мне — Нью-Йорк.

СЕЙЧАСТЬЕ

Иногда хочется одёрнуть злое время за рукав и жалобно попросить: постой, не лети же вперёд так быстро, я не успеваю за тобой, время, замри хоть на мгновение, дай отдышаться.

У счастья по-прежнему непривычная мне текстура. Счастье и несчастье не имеют ничего общего, кроме корня слова.

Сейчасъе.

Хотя счастье и несчастье иногда выглядят одинаково: мужчина и женщина удаляются в тишину ночи, видны только их спины. Жёлтый фонарь в тёмном переулке Бруклина, высвечивающий их силуэты.

Я иногда вижу в этих силуэтах себя и Д., иногда — мою подружку А. и её бойфренда после балета «Щелкунчик», иногда — других моих нью-йоркских подруг, обретших в этом городе себя. Или вовсе незнакомцев, я вечно сочиняю о них истории.

В любом случае обе фигуры должны быть в длинных пальто и асфальт под их подошвами должен быть мокрым.

Всё, они вышли из кадра. Кто знает, что там между ними?

А между ними в случае любви — города и страны, километры музыки, которая нравится обоим. Как они вместе поют, не всегда попадая в ноты. Как она смеётся, готовя ему ужин. Как он целует её в нос, уходя утром на работу. Их дурацкие клички друг для друга. Их вечера, когда можно валяться на кровати и бессмысленно шутить. Плестись куда-то под дождём пьяными. Заказывать домой пиццу, делать глупые фотоснимки в примерочной «Юникло». Знать, что он точно придёт домой вечером. Прыгать на рок-концерте, как подростки.

А в случае нелюбви между ними — ничего. Короткие гудки в телефонной трубке.

Опытный в нелюбви — неофит в любви. Всё ему в ней в диковинку.

Всё мне в ней в диковинку.

Работающие отношения напоминают тесто, которое схватилось, поднялось, наполнилось, приятно тянется, вкусное даже сырым и вот стоит подрумянивающимся пирогом в духовке и честно, чудесно пахнет на весь дом.

Неработающие же похожи на тесто, которое не задалось и всё время рвётся. Не поднимается. Не пахнет. И вряд ли из него выйдет правильный пирог, но ты всё равно его готовишь.

ШОНА

Я окончательно осталась в Нью-Йорке в октябре 2016 года. С восьмилетней дочерью. Город тогда сбил меня с ног своей свободой. Всеми видами, вихрями свобод. Хотя «сбил с ног» — это не те слова, в них слишком много грубости. Нью-Йорк не сбивал меня с ног: он обдувал моё уставшее сознание тёплым родительским дыханием.

Такой ветер я ощущала в детстве, когда наш поезд, отчалив с Курского вокзала, наконец-то доходил до конечного пункта и мы приезжали с мамой и братьями на море. И пахло персиками. Ребёнком я ощущала прикосновение этого воздуха к коже, и в кровь моментально будто бы вливался гормон

безмятежности и покоя. И это вернулось ко мне в «Большом яблоке». Только дуло здесь не с моря, а с океана.

Поздней осенью 2016 года Америка выбрала Дональда Трампа, и я, российская журналистка, привыкшая к пришибленности наших СМИ, в восторге наблюдала за тем, как массмедиа свободно реагируют на гром и молнии в политике.

Ведущие вечерних шоу сердились, возмущались, глумились, пародировали политиков и задавали вопросы. Люди вокруг меня увлечённо спорили о демократах и республиканцах, об экономике, равенстве и справедливости, о расизме, гомофобии и сексизме.

Дискриминация женщин не ставилась в этом моем мире под вопрос, общество полыхало от обиды на властных мужчин, а в прессе гроыхало #metoo. Мир вокруг плавился и медленно раскрывался перед возможностью честно говорить о насилии в самых разных людских отношениях. Я же тихо вела блог и размышляла о собственном опыте.

В мою жизнь ворвалось слово «феминизм». В нём не было ничего плохого. О правах женщин говорили не стесняясь, не хихикая и не издеваясь. Опираясь на это слово, я одновременно распутывала клубок прошлого и конструировала свою новую реальность.

Со мной беседовала вся моя жизнь. С разведённой женщиной чуть больше тридцати, которую, как айфон, заблокировало на несколько лет от обилия неудачных попыток войти в систему. А потом замок взял и снялся.

Постепенно я узнавала такие слова, как «сексизм», «мизогиния», «границы», «абьюз», вернее, они обретали для меня трёхмерность, наделялись смыслом, применимым именно ко мне, к моей судьбе.

Раньше я только блуждала по этому влажному туману нетерпимости по отношению к самой себе, но не знала, как его называть, на какие элементы его разложить. Я выросла и прожила огромный отрезок жизни в облаке этого тумана, и я привезла его с собой из России, меня постепенно вывел из него мой возлюбленный, Д.

Он не делал это как-то специально. Но он показал мне мир, в котором возможно другое отношение к женщине.

Мой взгляд на действительность и восприятие себя начали меняться, я отогревалась под лучом его отношения к себе. Из подавленной и несчастливой превращаясь в сильную, спокойную и созидательную версию себя.

И всё это время я вела блог, из заметок которого и составила постепенно эта книга.

Помню, в марте 2016-го мы гуляли по Нью-Йорку и случайно попали на феминистский «розовый» марш. Мы оказались среди тех тысяч, которые вышли в то воскресенье на акцию. Там были и семьи с детьми, и пожилые люди, и одиночки, и гей-пары, и какие угодно компании. В том мире, куда я попала, не только мужчины, но общество в целом поддерживало женщин в их стремлении жить более свободно и независимо. Так мне казалось. Мне было странно и непривычно видеть всё это.

Марш, как река, вынес тогда нас на площадь Фоули, где шествие превратилось в митинг и на сцену начали выходить по очереди самые разные фемактивистки. Политики, учёные, педагоги, врачи, социологи и художницы.

Но ярче всех я запомнила Шону. Глядя на неё, на её выступление, я поняла, что прежде я не видела настоящей феминистки. Что моё представление о том, кто это такие, не имело ни малейшей связи с реальностью.

Я никогда не ощущала женской энергии такой силы. Женского голоса, громкость которого была бы выведена на максимальный уровень. Честность этой женщины была острой, как медицинская игла.

Шона была афроамериканской поэтессой. Лет тридцати пяти, примерно как я. Короткие торчащие в разные стороны дреды, ярко-голубой сарафан на тонких лямках, спокойное и умное лицо. Красивая, естественная, неистовая, она была отлично известна аудитории — когда она подошла к микрофону, её приветствовали криками, аплодисментами и радостным свистом.

И Шона начала читать свои стихи.

Это было обращение к маленькой дочери, которую она укачивала, напевая колыбельную и одновременно давая ей наставления о том, как выжить афроамериканской женщине в этом жестоком мире.

Это была душераздирающая смесь мамского воркования и языка бунта, на котором женщина в отчаянии отстаивала свои права.

В стихах она учила крохотную девочку кричать, верещать, как самая громкая сирена, если хоть какой-то мужчина прикоснётся к ней без согласия, если он нарушит её безопасность и обойдётся с ней жестоко.

Шона была так откровенна в своём гневе, так беспощадна в своих эмоциях, а стихи у неё были красивые и грубые, как крупная галька на том самом коктебельском берегу, куда меня привозила в детстве мама. Плюс голос — низкий, грудной, музыкальный.

Глаза слезились от её стихов, как от сильного ветра.

Я никогда не знала такого единения с женщинами, как на том марше, он разбудил что-то во мне. Я не осознавала, что мой путь — это не индивидуальная история, а часть системы, где каждой из нас трудно прорваться к возможности жить без страха и быть собой.

Шона была мощной, как огромная свирепая птица.

Мне понравилось тогда, что мужчина, которого я выбрала, чтобы впустить в свою жизнь, мой Д., тоже оторопел от неё. Мы после её выступления ещё долго молчали. Анализируя силу её короткого перформанса на акции, я поняла, что лирический голос, который отзывался внутри меня на её слова, ни в коем случае нельзя глушить, и я начала осмыслять свою жизнь, я стала учиться феминистской оптике через тексты.